В тот вечер был необычайно красивый закат. Тёмно-оранжевый, к низу почти кровавый свет продирался с запада сквозь едкую завесу дыма, источаемого поминутно высокой кирпичной трубой. Я перевел свой взор на гору. Лес на ней стоял уже совсем прозрачный, исключая небольшие тёмно-зеленые пихтовые островки. От той шикарной осени, что ещё пару недель назад будоражила моё сознание...

От той шикарной осени, что ещё пару недель назад так настойчиво будоражила мое сознание своей красотой, не осталось ничего прекрасного. Над горой всё сильнее синело небо, опять обещая морозную ночь и редкие высокие звезды. Его, безоблачное, очень отчетливо резала на две части пара белоснежных самолетных путей, расположенных очень близко друг к другу, почти сливавшихся.

Я взглянул на часы. Пора. Оделся, выбежал из подъезда и двинулся к автобусной остановке. Уже почти подойдя, увидел на дороге, у обочины, что-то чёрное. Ещё пара шагов. Собака? Что она делает на дороге? Следующая пара шагов. В полуметре от бордюра лежала черная с белыми опалинами мертвая собака. Нижняя часть морды была в крови, струйка которой тянулась к темно-багровой широкой луже, играющей неподалеку закатными бликами. Чёрное ухо неестественно завернуто набок, правый глаз безобразно выпучен наружу…

Я вздрогнул, почувствовал на своем лице выражение глубокой скорби и сожаления. Все поэтическое, воздушное настроение куда-то улетучилось. Прошёл к остановке и встал к собаке спиной, ждал. Автобус, подъехавший к углу диспетчерской, остановился и стоял там ещё минут семь. Но минуты эти тянулись тяжело. Прошло какое-то время, и какая-то сила заставила меня оглянуться назад.

К бездыханному небрежно лежащему телу подошёл большой рыжий пес. Сразу видно, бродячий: грязная, местами выдранная шерсть, какой-то притупленный взгляд. Пес ткнул носом в плечо лежащего. Реакции не последовало. Он тут же ткнул дважды. Тело чуть подалось вперед, а Рыжий, повернув голову, вопросительным взглядом окинул стоявших на остановке. Пес обошёл тело кругом и, кивнув головой, лизнул черную морду. «Вставай». Он лизнул ещё раз. «Вставай, – как бы говорил он этим жестом и опять непонимающе взглянул на толпу. – Что это он?» После этого снова опустил голову и несколько секунд смотрел на Чёрного. Потом он упёрся задними лапами в асфальт, а передними начал тянуть тело на себя, к бордюру. Именно лапами, как человек, не зубами. Мёртвая собака, видимо, была тяжёлой: пёс упирался, напрягался весь, пыхтел. Из его пасти и ноздрей выходили густые клубы пара, в то время как остывшее тело не испускало уже тепла. Иногда он бросал свое занятие, обходил с другой стороны и, не обращая внимания на проезжающие, громко гудящие машины, носом толкал Чёрного.

Меня переполняли чувства, отвернулся. Я знал, что, если проклятый автобус не подъедет через минуту, разрыдаюсь. Не оборачиваясь, я всё-таки дождался, сел у окна. То, что произошло за холодным стеклом, перевернуло все у меня в душе. Рядом с Чёрным, положив косматую голову с опущенными ушами на спину друга, устало и тяжело выталкивая ноздрями пар, на асфальте лежал Рыжий, так, казалось, до конца и не осознавший, что случилось с его товарищем.

Я перевел взгляд в другое окно и увидел небо. На нём, как и прежде, были две белые полосы, только одна будто застыла где-то над горой, а вторая, спускаясь к горизонту, шла дальше… ***Зеленк@***